

ВЛАСТЬ ЖЕНЩИН: КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ «МИЗОГИНИЯ» И «ГИНОФОБИЯ» В КЛАССИЧЕСКОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Обосновывается тезис о том, что в классическом философском дискурсе признание второстепенного значения женского пола сопряжено с констатацией иррациональной опасности, исходящей от женщин и выявляющей их претензию на властные полномочия в социуме. На примере философских концепций А. Шопенгауэра и О. Вейнингера эксплицируется, помимо дескриптивной, еще и конститутивная роль социального дискурса, который, с одной стороны, описывает второстепенное положение женщины в социуме, с другой – конституирует такое положение с целью подавить активное и амбициозное поведение женщин, представив его как неестественное.

Ключевые слова: женщины; страх; власть; дискурс; дуализм; А. Шопенгауэр; О. Вейнингер.

И прежде мне всегда было неловко, жутко, когда я видал разряженную даму в бальном платье, но теперь мне прямо страшно, я прямо вижу нечто опасное для людей и противозаконное, и хочется крикнуть полицейского, звать защиту против опасности, потребовать того, чтобы убрали, устранили опасный предмет.

Лев Толстой «Крейцера соната»

Существует нечто метафизическое в мужском страхе перед женским полом. Главным образом это касается его скрытой, или, точнее, тщательно скрываемой природы. Ситуация, которая описана Л.Н. Толстым в повести «Крейцера соната», где главный герой Василий Позднышев открыто говорит о своем страхе и готов анализировать его причины, практически невероятна в реальной жизни. Скорее, вывод о существовании такого страха можно сделать не благодаря словам, но вопреки настойчивой вербализации своего «бесстрашия». И чем в большей степени мужчина готов отстаивать свое равнодушное, высокомерное или даже откровенно презрительное отношение к женскому полу, тем более очевидным должно быть для внимательного взгляда то самое «жутко», которое охватывало Позднышева при виде нарядной дамы.

Женщина, благодаря многовековой дуалистической направленности философской дискурсии, прочно обосновалась в нише телесного, чувственного, имманентного бытия. Противопоставляемая мужскому Логосу, она с необходимостью должна представлять собой начало алогичное или иррациональное, а следовательно, неподатливое для понимания и рационализации, угрожающее всему разумному и объяснимому своей пугающей глубиной хаоса. Быть иррациональным вызовом мыслящей и трансцендирующей человеческой природе – такова действительная роль женского начала, отводимая и навязываемая конкретным женщинам в социуме и человеческой истории традиционной культурой. И будучи поставлены в такое положение, а зачастую не имея возможности для альтернативной самореализации (доступа к образованию или возможности воспользоваться своим образованием, например), женщины действительно вооружаются чувственностью и телесностью для того, чтобы выжить в этом непростом мире. «С одной стороны, – рассуждает Позднышев, – справедливо то, что женщина доведена до самой низкой степени унижения, с другой стороны – что она властвует. “А, вы хотите,

чтобы мы были только предмет чувственности, хорошо, мы, как предмет чувственности, и поработим вас”, – говорят женщины» [1. С. 142]. Женщина в прямом смысле сама становится воплощением чувственности, делает свое тело, разряженное и раскрашенное, носителем отвлеченной идеи ее иррациональности и тем самым мутит, разбивает судьбу мужчины, отвлекая его от разумной деятельности и заставляя желать чувственных наслаждений. «Сочтите все фабрики, – продолжает Позднышев. – Огромная доля их работает на бесполезные украшения, экипажи, мебели, игрушки для женщин. Миллионы людей, поколения рабов гибнут в этом каторжном труде на фабриках только для прихоти женщин. Женщины, как царицы, в плену рабства тяжелого труда держат 90% рода человеческого. А все оттого, что их унизили, лишили их равных прав с мужчинами. И вот они мстят действием на нашу чувственность, уловением нас в свои сети. Да, все от этого. Женщины устроили из себя такое орудие воздействия на чувственность, что мужчина не может спокойно обращаться с женщиной. Как только мужчина подошел к женщине, так и подпал под ее дурман и ошалел» [Там же. С. 142–143]. Конечно, эти слова Л.Н. Толстой вкладывает в уста не вполне здорового человека, который благодаря своему болезненному воображению был доведен до убийства собственной жены. Однако особенно интересно то, что, помимо общего признания за женщинами крайней сосредоточенности на всем телесном и чувственном, Лев Толстой демонстрирует здесь социальное происхождение этой сосредоточенности. Ни один индивид не рождается женщиной-кокоткой, таковыми становятся благодаря репрессивным механизмам социальной дискурсии. Эти механизмы проводят в осязаемую и видимую реальность изначально трансцендентный ей метафизический принцип насильственной иерархии, заставляющий одних индивидов принимать на себя роль несмысленных, но опасных и мятежных рабов, а других – не менее сложную роль властвующих, но беспрестанно стра-

шащихся потерять свою власть рабовладельцев. В этом же свете Л.Н. Толстой описывает и женскую эмансипацию. Совершенно бесперспективными он считает различные политические достижения женского движения, добытые им внешние права и свободы. Пока само понимание мужского и женского в культуре обусловлено иерархическим принципом, любые изменения будут напрасны. «Рабство женщины ведь только в том, – пишет Л.Н. Толстой, – что люди желают и считают очень хорошим пользоваться ею как орудием наслаждения. Ну, и вот, освобождают женщину, дают ей всякие права, равные мужчине, но продолжают смотреть на нее как на орудие наслаждения, так воспитывают ее и в детстве и общественным мнением. И вот она все такая же приниженная, развращенная раба, и мужчина все такой же развращенный рабовладелец» [1. С. 154].

Таким образом, именно в специфическом взгляде на различие полов Лев Толстой видит одну из самых важных проблем современного ему общества. Это понятие «взгляда» с необходимостью должно обратиться к исследованию полового вопроса к собственно философским концепциям пола, которые долгое время выражали и одновременно производили и поддерживали совершенно определенный, назовем его классическим, взгляд на сущность и различие полов.

Артур Шопенгауэр «О женщинах». Одним из самых замечательных примеров такого классического описания половой дуальности является знаменитое эссе Артура Шопенгауэра, в котором собраны и последовательно изложены главные концептуальные моменты традиционного «взгляда» на сущность женщины. Это эссе тем более интересно, что представляет классический подход в незавуалированной форме, лишенной всех недостатков притворного этикета по отношению к «дамам».

С самого начала философ использует не как вывод, а скорее как самоочевидную предпосылку тезис о том, что женское начало пассивно, подчинено, бессильно. Целый шквал разнообразных «не» и «бес» обрушивается на читателя буквально с первой страницы повествования. Обобщая «очевидную» страдательность, духовное и физическое бессилие женской природы, ее «природную» ребячливость, А. Шопенгауэр приписывает женщине особое место в человеческом сообществе, это место «большого ребенка», или, по сути, недочеловека, «род промежуточной ступени между ребенком и женщиной, который и есть собственно человек» [2. С. 626]. В качестве доводов, не столько доказывающих достоверность этого утверждения, сколько подчеркивающих его очевидность, автор использует то самое понятие взгляда, о котором уже упоминалось выше: «самый вид», «стоит только взглянуть». Остается лишь удивляться тому, что знаменитый философ, сомневающийся в объективной реальности самого мира, поскольку тот преимущественно представлен в нашем сознании и является лишь содержанием наших восприятий, так некритично относится к своему видению женского пола.

«Чем благороднее и совершеннее какая-нибудь вещь, тем позднее и медленнее достигает она своей

зрелости» [Там же. С. 627], – пишет А. Шопенгауэр. Эта закономерность, с точки зрения автора, явно указывает на слабый и скудный женский рассудок, который развивается скорее мужского (к 18 годам), однако по существу ограничен и близорук, не способен к прогнозированию и обобщению. Это же слабоумие является причиной большей склонности женского пола к сострадательному участию при полной неспособности к справедливости. Лживость, притворство, неверность, даже мелкое воровство – все это врожденные качества и склонности женской природы. «Природа» снабдила женщину всеми этими «естественными» чертами для того, чтобы подлинная низменная суть женского начала не сразу становилась очевидна мужчине. Поскольку иначе было бы невозможно такому низкому существу завоевать расположение человека (мужчины), что необходимо для продолжения рода человеческого, т.е., очевидно, для рождения новых мужчин. В этом заключается также и сам смысл существования женщин – быть средством продолжения рода: «...женщины существуют единственно только для распространения человеческого рода и этим исчерпывается их назначение» [Там же. С. 629]. Другими словами, природа мужчины / человека такова, что совершенное созревание его разума и раскрытие жизненных сил происходит достаточно поздно (28 лет). На всем этапе созревания мужчине необходима поддержка, не говоря уже о том, что кто-то должен заниматься таким не предполагающим разумного совершенства делом, как рождение и воспитание детей – для этого и необходимо существование женщин. Поэтому, с точки зрения А. Шопенгауэра, не стоит приписывать женщине никаких положительных достоинств, превышающих ее действительное предназначение. И даже красота является слишком возвышенным идеалом для такого односторонне предназначенного существа. Если взглянуть на женщину вне ее половой функции, она с неизбежностью предстанет как неизящное и неэстетичное существо: «...низкорослый, узкоплечий и широкобедный пол мог назвать прекрасным только отуманенный побуждением рассудок мужчины: вся его красота и кроется в этом побуждении» [Там же. С. 630]. Если в женщине и видится иногда талант и склонность к изящным искусствам, то это не более чем проявление ее природной лживости и притворства: «обезьянство для целей кокетства и желания нравиться» [Там же]. Именно это представление о женщине является самым древним, именно оно является верным. Ложное уважение и почтение к европейским дамам искажает существенную второстепенность женского рода, а следовательно, ведет к деградации западного общества. Женщина должна смириться со своим местом «№ 2 человеческого рода» и не должна стремиться к какому бы то ни было равенству с мужчиной. Одним из важных свидетельств не социальной, а природной, естественной угнетенности женского пола является то обстоятельство, что предоставленная сама себе женщина не выдерживает самостоятельности и ответственности за свою жизнь. Независимая женщина спешит вручить управление собой в руки других, чаще всего – при-

мкнуть к какому-либо мужчине. Женщине необходим господин. «Если она молода – им будет любовник, старая – духовник» [Там же. С. 635], – заключает свое повествование А. Шопенгауэр.

Описывая наблюдаемую им очевидность женской природы, А. Шопенгауэр не задумывается о том, что эта очевидность парадоксальным образом созвучна тем критериям и категориям, которые философ использует для ее экспликации. Ущербность, второстепенность, пассивность, лживость – образуют специфический концептуальный каркас рассмотрения женственности. Таким образом, «взгляд» на женщин действует традиционный категориальный аппарат дуалистической системы, противопоставляющей разумное и чувственное, духовное и телесное, сильное и бессильное, активное и пассивное, правдивое и лживое, мужское и женское, наконец. И, что самое интересное, от А. Шопенгауэра ускользает тот факт, что использование этого категориального аппарата обусловлено отчасти тем, что ему просто не существует альтернативы, сам язык говорит о женщинах, автоматически встраивая свое говорение в бинарную систему мысли, сам язык смотрит на женщин глазами А. Шопенгауэра. «Что мы видим в окружающей нас мире, – пишет Дейл Спендер в своей статье “Мужчина создал язык”, – в большинстве своем зависит от тех принципов, которые закодированы в нашем языке. Но так как именно мужчины назвали этот мир, отсутствует собственно сам выбор, и ошибочность предвзятых наименований, ими же созданных, проверке не подлежит» [3. С. 777, 783].

С другой же стороны, необходимо иметь в виду, что поскольку наблюдаемая А. Шопенгауэром реальность женского тесно связана с категориями, описывающими наблюдение, зависима от них, то само собой разумеется, что в этой реальности открывающейся классическому взгляду, нет ничего естественного или природного. Женщина не просто наблюдается посредством классического взгляда и подвергается классической дескрипции, женщина в не меньшей степени создается данным созерцанием и описанием.

Действительно, нет никакого положительного смысла в том, чтобы утверждать беспомощность, слабоумие и пассивность женского существа, если они сами по себе представляют обычное естественное явление природы и общества. Напротив, описываемая таким образом реальность, очевидно, предполагает некую скрытую, но ясно ощущаемую активность и силу, правда, совершенно особого рода. Эта сила и эта активность, это особое приложение женского ума осознаются автором как опасность не только для конкретного мужчины в отдельности, но и для всей западной культуры. Именно в этом контексте обретает смысл деятельное и творческое сопротивление классического дискурса, примером которого можно считать эссе А. Шопенгауэра, создающее безопасную ребячливую ничтожную картину женственности для того, чтобы подавить и обезоружить ту мощную энергию посягательства на власть, которую в действительности представляет собой этот «страшный» женский пол. Так, А. Шопенгауэр обращает внимание

читателей на исторические примеры негативного влияния женщин в спартанском и французском обществах, на современных ему «европейских дам». Однако философ не осознает того бросающегося в глаза факта, что эти примеры расточительности, властности, угрожающие самому привычному строю европейской жизни, ни в какой мере не укладываются в тот образ пассивного и слабоумного недочеловека, который он старательно выводит в своей работе. Очевидно, что это усердное желание «открыть глаза на истинную природу женщин» связано с ужасом перед открывающейся бездной их возможной и отчасти уже реальной власти.

Конечно, это власть совершенно особого рода, она не похожа на власть мужчин – открытую, конкурентную, гегемонную, власть «по праву». Женский стиль властвования в существующих условиях законного мужского господства тесно связан с действием «исподтишка», опосредованно, через воздействие на слабые места легитимного властного аппарата. Женщина стремится к реализации власти единственным доступным ей путем – через мужчину, опутывая его сетями чувственного возбуждения, ответственности за семью, необходимости зарабатывать деньги и отдавать их «своей» женщине. Однако ни хитрость женщины, притворяющейся слабым ребенком в этой ситуации, ни завуалированные слабостью настоящие мотивы ее действий не могут быть представлены как истинная женская природа. Поскольку представители любой социальной группы, находящейся в ситуации систематического подавления и угнетения, обречены на подобное искривленное поведение там, где все прямые пути и социальные лифты попросту невозможны. Как замечает в своем произведении еще один представитель классической парадигмы Г.В.Ф. Гегель, «женщины получают свое образование какими-то неведомыми путями» [4. С. 198]. Это прекрасное замечание раскрывает весь парадокс традиционного взгляда на женскую сущность – стремление некоторых женщин получить образование в обществе, где это невозможно, настолько велико, что они осуществляют его кривым способом вместо недоступного для них прямого. Однако и этот порыв истолковывается как признак их неразумия.

Таким образом, эссе А. Шопенгауэра представляет собой один из самых ярких примеров той властной дихотомии, о которой повествует Василий Позднышев в повести Льва Толстого. С одной стороны, очевидно действительное угнетенное положение женщин в традиционном обществе, где им отводится роль чувственного, телесного, слабоумного и пассивного существа. С другой стороны, активность женщин, проступающая сквозь это подчиненное положение, та власть, которую они захватывают благодаря или вопреки своей угнетенности, настолько явны, что заставляют классический дискурс вновь и вновь проговаривать «наглядную очевидность» их второстепенности, что каждый раз заново не только описывает их реальный социальный статус, но и творит его через это проговаривание.

Отто Вейнингер «Преодолеть женщину...». Еще один блестящий пример мизогинии и гинофобии

представляет собой знаменитое сочинение загадочно-го австрийского ученого и писателя с трагической судьбой – Отто Вейнингера. Его работа «Пол и характер» представляет собой чрезвычайно значимое с культурной и философской точки зрения произведение. В нем раскрывается с определенной степенью оригинальности и непосредственности один из глубочайших парадоксов классического «взгляда» на женщину, а именно непреходящее желание констатировать естественно второстепенное положение женщины в природе и социуме и, одновременно, такое же постоянное желание поставить ее на это место, за границы которого женщина постоянно рвется всем своим существом.

В начале своей работы О. Вейнингер указывает на несостоятельность существующего подхода к изучению половой дихотомии. Исследователи, как правило, исходят из резкого противопоставления мужчин и женщин, не беря во внимание тот важный момент, что внутри этих групп можно встретить различия не менее существенные, чем между самими группами. Данный подход разводит мужское и женское подобно «белым и красным шарам, которые лишены всяких различий между собою в пределах одного цвета» [5. С. 12]. Однако такое представление в корне противоречит реальности, где граница между полами предстает как нечто крайне размытое, допускающее не только разнообразие определенных тонов, но и полтона и переходы. Так, просто «невозможно указать на общие половые различия между всеми мужчинами и всеми женщинами» [Там же. С. 13]. При таком многообразии половых форм необходимо, с точки зрения автора, применить для описания пола некие идеальные величины – М и Ж (представляющие собой совокупность типичных признаков мужского и женского полов). Одновременно с этим исследователь должен постоянно отдавать себе отчет, что в чистом, «беспримесном» виде эти идеальные типы не встречаются в реальности совсем. Настоящий ученый должен рассматривать М и Ж в качестве предметов изучения несмотря на их абстрактность, точно так же как физик изучает свойства абсолютно твердого или абсолютно упругого тела, не смущаясь тем фактом, что в эмпирической действительности подобные абсолютные феномены не имеют места. Таков удел настоящего исследователя – работать в большей мере с абстракциями, нежели с реальностью как таковой, где «существуют только всевозможные ступени между совершенным мужчиной и совершенной женщиной, только известные приближения к ним, сами же они наглядно никогда не могут быть даны» [Там же. С. 17].

Эффективность применения идеальных типов к изучению полового многообразия обусловлена тем, что типичность М и Ж делает возможной их полную дескрипцию, в то время как реальные проявления пола могут быть изображены «в виде некоторого количественного смешения обоих типов» [Там же. С. 19]. Другими словами, реальное разнообразие половых проявлений либо вообще не может быть изучено по существу, либо может быть исследовано с помощью идеальной конструкции М и Ж, налагаемой на реаль-

ность и тем самым проявляющей в ней существенные характеристики пола.

Таким образом, «вооружившись» идеальными типами М и Ж, О. Вейнингер приступает к разъяснению главных черт и закономерностей жизни пола. Одним из важных проявлений этой реальности на социальном уровне представляется автору «женский вопрос». Причем О. Вейнингер специально оговаривает, что под женским движением он не подразумевает отстаивание женщинами разнообразных социально политических привилегий, доступа к образованию или определенному положению в обществе. Острота «женского вопроса» связана прежде всего с желанием женщины «внутренне сравняться с мужчиной, достичь его духовной и нравственной свободы, его интересов, его творческой силы» [5. С. 69].

О. Вейнингер ставит себе целью обосновать, что подобные амбиции свойственны только тем женщинам, которые по существу представляют собой такое смешение М и Ж, в котором М значительно превалирует над Ж. Таким образом, с точки зрения автора, необходимо видеть в амбициях такого рода законные и типичные притязания М, прорывающиеся сквозь женскую внешность. Это утверждение становится тем более очевидным, чем внимательнее настоящий исследователь полового вопроса вглядывается во внешность, манеру поведения и сексуальные предпочтения большей части значительных женщин, вошедших в историю человечества. Так, внешность этих женщин нельзя назвать женственной, грубые мужские черты выдают скрывающуюся внутри мужскую природу. Точно так же половые предпочтения эмансипированных женщин если не откровенно гомосексуальны, то, по крайней мере, обращены к мужчинам женственной внешности и женоподобного поведения. Этой же скрытой мужественностью можно объяснить и привычку талантливых женщин к мужским псевдонимам, при помощи которых они, как правило, не скрывают свое женское лицо, а, наоборот, подчеркивают свою мужскую натуру. И даже тогда, когда перед нами женщина женственная и обладающая бесспорным талантом, объяснения следует искать не в ней самой, т.е. не в ее даровитости, трудолюбии, целеустремленности, а в тех мужчинах (брат, отец, муж), которые своей кропотливой работой пробудили в ней данные склонности и укрепили своей поддержкой [Там же. С. 69–73].

Иными словами, исторический экскурс, представляющий типичные признаки эмансипированных женщин, демонстрирует преобладание в них мужской внешности и мужских склонностей, а следовательно, и мужской сущности как таковой. Из этого факта О. Вейнингер делает многозначительный вывод о бессмысленности и даже вредности женского движения: «долой женское движение» [Там же. С. 74]. Причина заключается в том, что развиваемое изначально в среде женщин с сущностным преобладанием М, в дальнейшем это движение становится модой, «заражающей» в том числе и тех женщин, которым по их внутренним задаткам совсем не свойственно стремление к равноправию. Благодаря такой неоправ-

данной экспансии подлинное предназначение Ж искажается лживыми и искусственными в основе своей стремлениями. Действительно, то, как именно большая часть женщин в современном мире распоряжается своим образованием (доступность которого уже давно не является проблемой или, по крайней мере, гендерной проблемой), демонстрирует правоту О. Вейнингера касательно неоправданного распространения диктуемого природой некоторых женщин (преобладанием М) порыва к получению знаний на женские массы, которые не могут и не умеют достойно распоряжаться доступом к этому интеллектуальному благу.

«Долой нелепую фразу о “полном равенстве”! – резюмирует О. Вейнингер. – Самая мужественная женщина имеет едва ли больше 50% М и только этому-то чистому содержанию она и обязана всей своей значительностью, иначе говоря, всем, что она при случае могла бы значить» [5. С. 74]. Сравнение списков выдающихся женщин и мужчин не может, вопреки назойливому желанию феминисток, свидетельствовать в пользу женского таланта и его систематического несправедливого угнетения. Напротив, «при внимательном рассмотрении лица женского списка *доказывают только мужественность гения*» [Там же. С. 75].

В этом анализе феномена женской эмансипации с непреодолимой ясностью раскрывается не только само по себе различие и противопоставление М и Ж, но и необходимые, с точки зрения автора, аксиологические акцентуации в этом различии. Мужское в своих типичных характеристиках есть нечто отличное и даже противоположное женскому, но, одновременно с этим, мужское есть значительное и талантливое, движущая и возвышающая сила в бытии и социуме, в отличии от незначительной и безличной тени женского. Более того, будучи идеальными величинами, М и Ж тем не менее позволяют понять и соответственно оценить реальных индивидов, которые представляют собой различные виды смешения данных типов. И «несмотря на все половые промежуточные формы, человек в конце концов все-таки одно из двух: или мужчина, или женщина, – подчеркивает О. Вейнингер. – В этой древней эмпирической двойственности заключается глубокая истина и пренебрегать ею нельзя безнаказанно» [Там же. С. 82].

Поскольку каждый конкретный индивид все-таки имеет большую часть типических признаков или М или Ж, то может быть назван мужчиной или женщиной соответственно, а следовательно, к нему может быть и должна быть применена общая аксиологическая схема. Соответственно, мужчина представляет собой все положительное культурное и смысловое содержание (рациональность, духовность, осмысленность, гениальность, потенциал действительного творчества и познания), тогда как женщина демонстрирует все самое ничтожное, бессубъектное, вещное в человеке. «Как бы низко ни стоял мужчина, он все же бесконечно выше самой возвышенной женщины, – обобщает О. Вейнингер, – настолько выше, что не может быть речи о сравнении, о сопоставлении» [Там же. С. 280]. Человеческое есть мужское по преимуществу, и страшная вина, даже «грех» мужчины

состоит в том, что он своей любовью сообщает женщине бытие, превращает ее из существа женского рода в женщину в собственном смысле.

Создается впечатление, что, приписывая женскому началу подобные атрибуты, О. Вейнингер просто описывает реальность, представляет ситуацию такой, какова она «на самом деле». Однако при дальнейшем анализе выясняется, что за женской вещностью, пассивностью и бессубъектностью скрывается некая особая рода активность женщин, выступающих в качестве субъектов и претендующих на власть над мужчинами и посредством них – над обществом в целом. Другими словами, одновременно со своей «ничтожностью» женственность представляет собой, по словам автора, и «серьезную опасность». Эта опасность кроется в том, что, ощущая свою подлинную негативную суть, женщина обращается к мужчине для того, чтобы он наделил ее существование смыслом. Более того, женщина в этой борьбе за свое существование целенаправленно использует самое опасное для мужчины орудие – сексуальность. Надевая маску безразличия к сексуальной сфере, создавая образ своей сущностной асексуальности, женщина внушает мужчине, что сексуальность на самом деле необходима именно ему и что удовлетворить вполне эту важную потребность он может лишь связав свою судьбу с определенной женщиной и сообщив ей, таким образом, и бытие, и смысл, и значительность. «Опираясь на мужчин, которые им во всем верили, – пишет О. Вейнингер, – им удалось убедить другой пол, что сексуальность является важнейшей и насущнейшей потребностью мужчины, что только женщина в состоянии удовлетворить все истиннейшие, глубочайшие желания его, что целомудрие представляет для него нечто неестественное и невозможное» [5. С. 368–369]. Иными словами, женщина манипулирует мужчиной, а следовательно, проявляет и целеустремленность, и субъектность, и активность, что никак не вписывается в предлагаемую картину ничтожной вещи. Ошеломляющими предстают результаты этой искусной манипуляции – мужчина подчиняется женщине и вся его социальная гегемония приносится к ногам опасного властелина: «...мужское целомудрие осмеяно; его больше не понимают; мужчина ощущает женщину не как грех, а как судьбу, собственное влечение не вызывает уже в мужчине стыда» [Там же. С. 369]. Овладение женщиной обретает такую значительность в современном обществе, что становится даже критерием самой мужественности – число союзов, наличие половой связи рассматриваются как «свидетельство достоинства мужчины» [Там же. С. 370]. Однако нельзя забывать, что это высокое значение сексуальности выгодно прежде всего именно женщинам, поскольку половой акт является их единственным способом закрепиться в бытии. Это подтверждается еще и тем фактом, что женское целомудрие, зачастую вызывающее уважение у мужчин, женщинами воспринимается исключительно в негативном свете: женщины презирают девственность в себе и других, желая только законным или даже незаконным способом избавиться от нее.

Однако О. Вейнингер выходит за рамки биоэссенциального подхода, рассматривающего женщину как естественную противоположность мужчины. Видимая ничтожность женщины, с одной стороны, и ее манипулятивная властность – с другой, имеют не природные, а социальные корни. Это становится особенно явно из проводимого автором сопоставления женщин с неграми и евреями. И хотя евреи, негры и женщины всегда находились в положении рабов, и причина этого феномена кроется в их собственных «рабских наклонностях», все же безнравственно видеть в них только рабов, не замечая существующей в ослабленном виде их человечности. «Никто не должен быть порабощен, – утверждает О. Вейнингер, – хотя бы раб и хорошо чувствовал себя в своих оковах. В женщине же все еще таится слабое чувство беспомощности, безысходности, какой-то последний, хотя и очень плачевный след умопостигаемой свободы... Женщины все же люди и к ним следует относиться, как к таковым, хотя бы они этого никогда не хотели» [Там же. С. 375]. В действительности женщина предстает в современном О. Вейнингеру обществе как существо недостойное уважения, прежде всего по той причине, что женщины не уважают сами себя и более всего стремятся быть использованными в сексуальном отношении. Однако нравственный человек и честный исследователь не должен принимать такую точку зрения на женщин, даже если она распространена среди них самих. Женщина нуждается не в презрении, но в понимании для того, чтобы однажды она смогла бы выйти за рамки замкнутого круга своего рабского ничтожества, с одной стороны, и претензий на власть посредством сексуальности – с другой. Это понимание, призванное воспитать в женщине уважение к самой себе, должно привести в итоге к самоуничтожению женщины или, точнее, к ее самопреодолению, главной чертой которого должно стать внутреннее, искреннее, добровольное отвержение полового акта [Там же. С. 379].

Таким образом, австрийский ученый приходит к тому же самому выводу, что и Василий Позднышев в

повести Льва Толстого. Только прекращение половой жизни как таковой, ведущей к продолжению рода за счет уничтожения личности и человеческого достоинства, способно вывести человечество из сладострастного тупика муже / женской дихотомии. Открытая власть мужчин, унижающая женский пол и низводящая его до рабского положения не только в обществе, но и внутри собственного самопонимания и самоосознания, сопряженная со скрытой манипулятивной, чувственной, основанной на лживости и лицемерии властью женщин, должна быть преодолена для того, чтобы новые люди, не знакомые с унижающим действием пола, смогли создать действительно нравственное общество достойных уважения людей, открытых к познанию и подлинному самосовершенствованию. «Итак, – обобщает О. Вейнингер, – половой акт во всяком случае противоречит идее человечества. Но не потому, что аскетизм является долгом человека, а исключительно по той причине, что женщина в нем хочет являться объектом, вещью, и мужчина делает ей это одолжение и видит в ней только вещь, а не живого человека с известными внутренними психическими переживаниями» [Там же. С. 382].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что концепт мизогинии в классическом философском дискурсе, т.е. крайняя поляризация и субординация полов, как правило, предполагает сопряженный с ним концепт гинофобии, т.е. фиксации определенной опасности, исходящей из специфической, присущей женщинам претензии на власть. Эта претензия осуществляется особым способом воздействия на мужскую чувственность и сексуальность. При этом определение женщины в классическом дискурсе по существу противоречиво, поскольку рассматривает женщину одновременно и как воплощение слабости и пассивности, и, с другой стороны, как опасный источник дестабилизации мужского сообщества посредством реализуемых с большей или меньшей степенью успеха претензий на власть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л.Н. Собрание сочинений : в 22 т. Т. 12 : Повести и рассказы. 1885–1902 / коммент. В.Я. Линкова. М. : Худож. лит., 1982. 478 с.
2. Шопенгауэр А. Афоризмы и истины: Сочинения. Москва : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 2001. 736 с.
3. Спендлер Д. Мужчина создал язык // Введение в гендерные исследования. Ч. II : хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ, 2001 ; СПб. : Алетейя, 2001. С. 775–783.
4. Гегель Г.В.Ф. Т. 7 / Ин-т философии Коммунистической Академии ; пер. Б. Столпнера. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1934. 380 с.
5. Вейнингер О. Пол и характер. М. : ТЕРРА, 1992. 480 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 9 февраля 2015 г.

THE POWER OF WOMEN: CULTURAL CONCEPTS "MISOGYNY" AND "GYNOPHOBIA" IN THE CLASSICAL PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 92-98. DOI 10.17223/15617793/393/14

Khitruck Ekaterina B. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudr@vtomske.ru

Keywords: women; fear; power; discourse; dualism; A. Schopenhauer; O. Weininger.

This article deals with the problem of explication of women's destination in the classical philosophical discourse. Close relationship between the approval of the secondary position of women in society and in nature, on the one hand, and the recognition of the dangers posed by women, which causes their claim to control, on the other, are established. Thus, the descriptive function of discourse is considered to be one associated with the constitutive function. In this regard, a permanent talk of the female element de-

pendence not only describes the reality, but also creates a discursive mechanism for maintaining and approval of this situation in order to suppress the danger emanating from the women's claim to control. The female is considered in connection with two important aspects in the concept derived by Schopenhauer. Firstly, the woman is described as "obviously" weak, passive, dependent, half-witted, cunning and childish. The only woman's purpose is procreation. Secondly, this description of the female is seen as a necessary tool of suppression of the existing women's claim to control, which is a direct threat to the welfare of contemporary society in the philosopher's opinion. The famous work of an enigmatic Austrian scientist and writer with a tragic fate, Otto Weininger, is another brilliant example of "misogyny" and "gynophobia". His work *Sex and Character* (first published in 1903) is an extremely significant product from the standpoint of culture and philosophy. One of the paradoxes of the classical viewpoint on the woman is disclosed in his work with the specified degree of accuracy and originality. The paradox is a permanent desire to state the subordinate woman's position in society and in nature, and, simultaneously, a desire to put her in this position, while the woman is naturally eager to escape. However, O. Weininger went beyond the bio-essential approach treating women as a natural opposition to men. The perceptible woman's nothingness and her manipulative authoritativeness have a social origin rather than a natural one. Thus, the concept "misogyny" supposes the extreme polarization and gender subordination in the classical philosophical discourse. At the same time the concept "misogyny" assumes association with the concept "gynophobia" due to the fixation of a certain danger emanating from a specific inherent women's claim to control. The claim under discussion is carried out by a special influence on male sensuality and sexuality. Under this association the definition of a woman is essentially contradictory in a classic discourse, because it simultaneously states a woman as the embodiment of weakness and passivity and as a dangerous source of destabilization of the male community related with the success, to a greater or lesser degree, of women's claim to control.

REFERENCES

1. Tolstoy L.N. *Sobranie sochineniy: v 22 t.* [Works: in 22 v.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982. Vol. 12, 478 p.
2. Schopenhauer A. *Aforizmy i istiny: Sochineniya* [Aphorisms and truth: Works]. Moscow: EKSMO-Press Publ.; Kharkov: Folio Publ., 2001. 736 p.
3. Spendler D. *Muzhchina sozdal yazyk* [Man created the language]. In: Zherebkin S.V. (ed.) *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. Kharkov: KhTsGI Publ.; St. Petersburg: Aletyya Publ., 2001. Pt. 2, pp. 775–783.
4. Hegel G.W.F. *Sochineniya* [Works]. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz Publ., 1934. Vol. 7, 380 p.
5. Weininger O. *Pol i kharakter* [Sex and Character]. Moscow: TERRA Publ., 1992. 480 p.

Received: 09 February 2015